

«проблематизированного» повествователя. В этом смысле принципиальным эстетическим открытием Некрасова стали не одна объективирующая социально-аналитическая типизация жизненных явлений, но также и множественная дифференциация, самодостаточная автономизация и признание субъектной правомочности воссоздаваемых в произведениях поэта точек зрения носителей речи. А появление в поэзии Некрасова этого «освобожденного» и правомочного лирического субъекта закономерно повлекло предъявление к последнему требований ответственности (сознательной или бессознательной) его выбора и поступка в ценностном поле, драматической личной «платы» за собственную пошлость, низость, ничтожество или за благородство, достоинство, подвижничество.

Специфической особенностью поэтики Некрасова в свете рассматриваемой проблемы можно считать и развивающееся в его зрелом творчестве последовательное снятие субъект-объектных различий, сближение и отождествление уровней манифестации презентуемого материала и ценностно-психологической дистанции повествователя и персонажа в лиро-эпическом произведении; универсализацию родовой природы, демонстрацию относительности и прямое совмещение в пределах сознания одного субъекта прежде полагавшихся «взаимоисключающими» точек зрения.

В-третьих, проблема «человека жизненной рутины» в поэзии Некрасова открыла перспективы обсуждения структуры его художественного мышления и мирозерцания в целом. Структурируются то и другое, как можно думать, рядом ключевых характеристик: их «персонализмом», «антропологизмом», экзистенциально-ориентированным отношением автора к действительности, метафизическими тенденциями в художественном осмыслении бытия.

«Персонализм» Некрасова выражает собой специфический для него способ восприятия и осмысления действительности «в лицах» — в формах «личных» поступков, «личного» участия в событиях, «личных» характеров и судеб, «личных» переживаний, отношений, мотиваций, интерпретаций происходящего во внешнем мире или в человеческой душе.

«Антропологизм» Некрасова находит свое воплощение в его внимании не только (а может быть, и не столько) к «внешнему», в социальном пространстве существующему и социальным образом действующему индивиду, но и к трем уровням и рассмотренным выше аспектам (*морально-идеологическому, культурно-историческому, ментально-психологическому, экзистенциально-ценностному и метафизически-бытийному*) бытия «внутренней» личности.

«Экзистенциализм» Некрасова поразительным образом соединяет более всего занимающее поэта сугубо личностное измерение бытия с метафизическим масштабом воплощаемого художником личностного мироотношения. В смыслоутверждающем плане онтологическая природа некрасовской метафизики обнаруживает себя в художественном выражении переживания и осмысления человеческих страданий как универсальной природы человеческого бытия, а «экзистенциальная» концепция всего некрасовского творчества имеет своим корнем представление поэта о всеобъемлющем и неустрашимом трагизме человеческого существования в мире и трагизме человеческого самосознания.

Но трагическая природа человеческой обреченности миру «пошлости и рутины» находит у Некрасова не менее абсолютный противовес в экзистенциально же понимаемом предписании человеку исполнения своего предназначения — утверждения духовных ценностей в собственном выборе и поступке!